

Цинь Мянью вспомнил волка, который стоял напротив остановки, и позавидовал ему, потому что он мог жить в одиночестве.

У Цзяхуа сказал, что документальный фильм назовут «Ясное небо», но в Вайгу уже почти месяц не было ясной погоды.

Цинь Мянью залез в укромную юрту, где хозяин хранил коровий навоз, чтобы переждать ветер.

Собака хозяина зашла вместе с ним, бегая вокруг его ног.

Он снял меховую шапку и увидел, что внутри неё образовались льдинки. Он встряхнул её, и льдинки рассыпались по полу, словно алмазы, ни одна из них не растаяла.

В юрте не разводили огонь, она лишь защищала от ветра, и было ненамного теплее, чем снаружи. Ведро с коровьим навозом замерзло и больше не пахло.

Зубы его стучали, и он услышал, как бормочет сам себе. Очнувшись, он понял, что машинально повторял номер телефона Хэ Жуньяо.

Когда он нашёл номер Хэ Жуньяо в коробке с вещами в приюте, то был так рад.

Как он хотел бы уехать с Цицигэ в тёплое место.

Он думал об этом, пока его руки и ноги в юрте теряли чувствительность от холода. Он встал, подпрыгнул на месте и, услышав, что ветер наконец стих, поспешил выйти, чтобы покормить скот хозяина.

Рядом было место, где он спрятал гроб Цицигэ.

Под покровом ночи он попросил водителя грузовика выгрузить гроб в лесу, где было много волков, и никто не осмеливался туда ходить.

Умственную отсталость Цицигэ жители деревни считали врождённым дефектом. В Вайгу существовал обычай, запрещающий готовить гробы для таких людей, считалось, что это принесёт несчастье всей деревне.

Пойти взглянуть.

Когда он приблизился к месту, где был спрятан гроб, то увидел перекрещивающиеся лучи фонарей. Осознав, что происходит, Цинь Мянью бросился туда.

Но было уже поздно.

Староста держал фонарь, а жители деревни с крюками и железными прутьями в руках окружили гроб, превратив его в разбитые доски.

Человек, стоявший к нему спиной, не заметил его приближения. Он присел на землю, собирая доски:

— Договорились же, что это моё. Эта древесина плохо горит, я вырежу из неё браслеты и продам на чайных плантациях иностранцам, а деньги поделю с вами, ладно?

Он продолжал говорить, собирая доски и складывая их у себя на груди. Когда они дошли до его подбородка, он остановился, попытался встать, но доски снова рассыпались на землю.

Древесина для гроба была тяжелее обычной. Все деньги, которые он заработал, работая в шахте, продавая цветы на чайных плантациях и пася скот хозяина, он сложил вместе, перевязав резинкой Цицигэ. Эта смятая пачка купюр и купила гроб. Хорошая древесина, конечно, должна быть тяжёлой.

Последняя доска упала на валенок жителя деревни, и тот вскрикнул, подпрыгнул на одной ноге и, повернувшись к Цинь Мяню, с ужасом в глазах воздел руки:

— Всеведущий и всемогущий Вечное Небо! Твой слуга никогда не нарушит твоих заповедей. Люди с врождёнными дефектами пришли из мира животных, они не могут войти в твои объятия!

Остальные подхватили, начав восхвалять Вечное Небо на языке Вайгу.

Фонари в их руках качались, жёлтый свет дрожал, освещая острые концы крюков.

Цинь Мянь пристально смотрел на эти острия.

Раз уж он решил не жить, то почему бы не забрать их с собой. Посмотрим, примет ли их Вечное Небо в свои объятия.

Цинь Мянь сжал кулаки и уже собирался броситься к жителям деревни, чтобы отобрать крюк, как вдруг услышал за спиной зов:

— Хухэ Лу!

Никто не произносил его имя так неправильно.

Цинь Мянью разжал кулаки.

Хэ Линнань подбежал, увидел разбитый гроб и сразу же бросился к этим жителям:

— Вы, сукины дети...

Цинь Мянью протянул руку, чтобы остановить Хэ Линнаня. У тех были острые орудия, и он не хотел, чтобы Хэ Линнань пострадал.

Он дёрнул его слишком резко, и Хэ Линнань, не ожидая этого, упал к нему на грудь.

Хэ Линнань похлопал его по спине, возможно, чтобы помочь ему встать, а может, чтобы утешить.

Этот украденный объятия погрузил Цинь Мянью в оцепенение, даже кончики его пальцев онемели.

Цицигэ ждала Хэ Линнаня на остановке сотни обедов. Тот, кого она ждала, пришёл, но Цицигэ больше не было.

— Пойдём, — сказал Цинь Мянью.

Он вернулся в маленькую юрту в трущобах, поднял на спину Цицигэ и отнёс её в ближайший шаманский храм, там сжигали тела бесплатно.

Монах дал ему банку с пеплом.

Цинь Мянью держал банку с пеплом и устроил похороны Цицигэ.

Хэ Линнань был с ним всё это время.

На самом деле у него были слова, которые он хотел сказать Хэ Линнаню, но он думал и думал, и в конце концов оставил их гнить в животе.

Цицигэ умерла, и Хэ Линнань будет максимально бережно относиться к его чувствам, поэтому, даже если он откажет, это будет самый мягкий отказ. Использовать смерть Цицигэ, чтобы выманить эту мягкость, казалось ему слишком уродливым.

Он положил губную гармошку, залез в юрту и достал самое ценное, что там было: короткий нож для разделки бычьих костей.

Когда лезвие коснулось горла, оно не смогло прорезать кожу, а Хэ Линнань ворвался и вырвал нож у него из рук.

После этого он очнулся в больнице, попытался приподнять голову, но острая боль в горле снова пригвоздила его к простыне. Хэ Линнань наклонился к нему, заполнив его поле зрения:

— Ты очнулся? Где-то болит?

Нет, болеутоляющее в капельнице избавило его от боли. Он смотрел на Хэ Линнаня и впервые увидел его таким неприглядным: глаза красные и опухшие, под ними тёмные круги от недосыпа, а на подбородке неровная щетина.

Он поднял руку и коснулся повязки на шее.

Пальцы задрожали, охваченный страхом, он почувствовал, как затылок онемел. Он был как тот скот хозяина, запертый в загоне, слабое травоядное существо.

Он был настолько слаб, что теперь жалел о своём решении покончить с собой.

Только столкнувшись со смертью, он понял, что не хочет умирать, совсем не хочет.

Его заперли в приюте, заперли в труппах. Он поднял полевые цветы и впервые увидел Хэ Линнаня через окно автобуса, а потом Хэ Линнань открыл окно, разделявшее их, и улыбнулся ему.

Кто-то улыбался ему так, и он не хотел умирать. Даже если завтра его положат на стол, как барана, чтобы разделать как мясо, сегодня он всё равно хотел жить.

<http://tl.rulate.ru/book/5531/191022>